

обѣдъ былъ безсловный (это для того времени имѣло большое значеніе). На обѣдѣ были представители всѣхъ славянскихъ національностей, но преобладали, весьма натурально, украинцы. По содержанію и характеру застольныхъ рѣчей случилось какъ-то само собою такъ, что чествованіе принадлежало больше отсутствующему Шевченку, чѣмъ присутствующему Кулишу, и послѣдній былъ совершенно правъ, когда на другой день послѣ обѣда писалъ Шевченку (10 мая): „Сколько ни было на этомъ обѣдѣ рѣчей, во всѣхъ ихъ вспоминалось твое славное и высоко уважаемое имя; говорили о тебѣ, какъ въ родной семьѣ, какъ объ отцѣ, который гдѣ-то далеко на чужбинѣ. Увѣряю тебя, что нигдѣ не найдешь такихъ искреннихъ и преданныхъ тебѣ дѣтей, какъ въ Полтавѣ. Здѣсь каждый грамотный восится съ твоимъ „Кобзаремъ“, какъ съ драгоцѣннѣйшимъ сокровищемъ. Скоро имъ и книги не надо будетъ, потому что всѣ твои произведенія они выучатъ на память; да, кажется, они по „Кобзарю“ и Богу молятся“.

Обѣдъ окончился очень поздно и большинство публики проводило Кулиша въ его квартиру пѣшкомъ съ музыкой. Квартировалъ онъ въ домѣ Гр. Ив. Гавриленка, простого, но довольно развитого мѣщанина, столяра по ремеслу и друга покойнаго Котляревскаго. Вечеръ прошелъ въ оживленной бесѣдѣ исключительно объ украинской литературѣ—о предстоящемъ изданіи „Кобзаря“ и „Основы“. Мы, полтавцы, какъ люди молодые, энтузіасты, настаивали на томъ, чтобы „Основа“ издавалась исключительно на украинскомъ языкѣ; Кулишъ доказывалъ намъ невозможность такого изданія, и что языкъ нашъ еще не достаточно выработанъ. Когда же я, не соглашаясь съ Кулишомъ, выразилъ желаніе, чтобы кто-нибудь занялся переводомъ Шекспира на украинскій языкъ, Кулишъ—какъ теперь вижу—засмѣялся, говоря, что Шекспира на нашемъ языкѣ увидятъ развѣ правнуки. Но не прошло съ тѣхъ поръ двадцати лѣтъ, какъ онъ самъ же подарилъ Украинѣ изданный въ Львовѣ первый томъ его переводовъ на нашъ языкъ произведеній Шекспира,

а послѣ смерти Кулиша остались приготовленными къ печати переводы всѣхъ большихъ и лучшихъ произведеній великаго драматурга“.

„Утромъ 10 мая мы проводили Кулиша до первой станціи по дорогѣ къ матери Гоголя“.

„Съ тѣхъ поръ между мною и Кулишомъ началась оживленная переписка, которая, впрочемъ, нѣсколько разъ въ продолженіе болѣе тридцати лѣтъ то прерывалась, то возобновлялась. Къ сожалѣнію, уцѣлѣло изъ нея очень и очень немного: можно сказать, что $\frac{9}{10}$ писемъ ко мнѣ Кулиша съѣли если не крысы, то еще хуже крысъ, таѣхъ называемыхъ „независящія обстоятельства“.

„Въ другой разъ Кулишъ посѣтилъ Полтаву въ концѣ августа 1861 года, возвращаясь изъ-за границы. Онъ останавливался тогда въ квартирѣ мирового посредника, общаго нашего знакомаго, И. Д. Стефановича. Придя ко мнѣ утромъ, онъ пригласилъ къ себѣ меня, Пильчикова и начинающаго поэта В. С. Кулика послушать произведенія открытаго имъ гдѣ-то въ Добруджѣ новаго украинскаго поэта (потомка запорожца), который, по его словамъ, талантомъ не уступитъ Шевченку. Конечно, мы полетѣли. Кулишъ прочиталъ намъ сперва нѣсколько мелкихъ стихотвореній, потомъ „Дунайську думу“ и большую поэмѣ „Велыки Проводы“. Читалъ онъ просто, хорошо; но читанное не производило никакого впечатлѣнія на слушателей и никто изъ насъ по окончаніи чтенія не выразилъ ни одобренія, ни порицанія новому поэту. Когда же Кулишъ спросилъ мое мнѣніе, я сказалъ откровенно, что въ прочитанныхъ стихотвореніяхъ никакой поэзіи нѣтъ—проза, да и проза не всегда хорошо приемованная. Кулишъ посмотрѣлъ на меня свысока и, ничего не отвѣчая мнѣ, положилъ рукопись въ чемоданъ“.

„По отъѣздѣ онъ долгое время ничего ко мнѣ не писалъ. Причина молчанія разъяснилась только къ концу года, когда въ „Осповѣ“ появились читанныя намъ произведенія „новаго поэта“ за подписью Кулиша. Тогда я понялъ, что самолюбіе автора

научныхъ симпатіяхъ и отзывѣ о своемъ новомъ трудѣ авторитетнаго и безпристрастнаго историка, Кулишъ обратился къ высокоталантливому профессору петербургскаго университета К. Н. Бестужеву-Рюмину, пославъ ему свое изслѣдованіе въ рукописи, и прося его, въ случаѣ согласія во взглядахъ и одобренія, принять на себя нѣкоторыя хлопоты по устройству дѣла съ типографіей и по заключенію съ ней условій. Профессоръ Бестужевъ-Рюминъ, по своему обыкновенію, отнесся къ собрату съ самымъ живымъ и сердечнымъ участіемъ, высоко при томъ цѣня и его дарованія и любовь къ наукѣ, къ труду и къ истинѣ. Въ почти восторженныхъ выраженіяхъ отоввался онъ о сочиненіи Кулиша и съ свойственными добротой и обязательностью взялъ на себя даже практическія хлопоты по этому дѣлу, но энергично отговаривалъ его отъ полемики съ людьми разномыслящими, т. е. главнымъ образомъ съ Костомаровымъ.

Первыя сношенія Кулиша съ Бестужевымъ начались еще раньше, вѣроятно когда послѣдній еще жилъ въ Петербургѣ, такъ какъ въ первомъ же извѣстномъ намъ письмѣ къ Бестужеву Кулишъ ссылается уже на выраженную имъ готовность помогать въ предпринятомъ трудѣ; въ этомъ же письмѣ Кулишъ просилъ его снестись съ типографіей Товарищества „Обществен-

времени до времени сообщалъ ему о своихъ изысканіяхъ и всегда находилъ его въ оборонительной позиціи. Когда онъ пріѣхалъ въ Москву вторично, и во время нашего свиданія не сказалъ ему о своихъ умо-заключеніяхъ ни слова, точно какъ будто и не занимался исторіей русскаго юга—и онъ ни разу не заговорилъ о предметѣ моихъ занятій“. Въ это время Костомаровъ уже приготавливалъ полемическую статью противъ Кулиша «О козакахъ», напечатанную въ мартовской книгѣ Русской Старины за 1878 годъ. П. И. Костомаровъ расходился съ Кулишемъ также по вопросу о переводѣ произведеній Шекспира на украинскій языкъ, находя этотъ трудъ ненужнымъ для образованныхъ малороссовъ, которые всѣ достаточно владѣютъ русскимъ языкомъ—но, конечно, допускалъ значеніе этихъ переводовъ для галичанъ; дѣятельности же Кулиша, посвященной галичанамъ, онъ также не сочувствовалъ. (См. «Кіевск. Стар.», 1883, I, статья «Ш. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность стр. 222 и пр.).

его, а онъ все больше зарывается въ свои книги и постоянно задумываетъ все новые, и притомъ обширные и значительные литературные планы и предпріятія и не перестаетъ смотрѣть на будущее, какъ на несмѣтную казну, какъ на какую-то нескончаемую перспективу продолжительной и плодотворной работы, какъ будто впереди онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи цѣлую вѣчность. Только священное пламя идеализма, безспорно, могло дать силы Кулишу на старости лѣтъ, послѣ того какъ сгорѣлъ его рукописный переводъ Библии, потребовавшій многихъ лѣтъ упорнаго труда, вновь работать надъ тѣмъ же самымъ дѣломъ и, кромѣ собственной научно-литературной дѣятельности, посвящать такъ много энергіи на дѣятельность переводчика. Едва-ли можно отказать въ призваніи колоссальнаго трудолюбія и самаго чистаго, высокаго идеализма человѣку, которому съ оттѣнкомъ нѣкотораго недоумѣнія изумлялся даже такой почтенный и даровитый труженикъ науки, какимъ былъ его другъ Костомаровъ,—что онъ на 64 году жизни принялся за переводъ на малорусскій языкъ сочиненій Шекспира и отдавался труду переводчика съ двойнымъ наслажденіемъ, какъ эстетикъ и какъ беззаветный любитель родного слова. „Что касается меня“—писалъ намъ однажды Кулишъ,—„то, зная, какъ мудро было, даже Пушкину переводить Мицкевича и наоборотъ (ихъ языки извѣстны мнѣ оба, какъ мой родной), я вижу въ переводахъ наилучшую пробу языка относительно его ловкости, живописности, гармоніи. Сверхъ переведенныхъ уже порусски (или какъ говорятъ одни, по украински, а другіе—по малороссійски) тринадцати драмъ Шекспира, Байронова „Донъ-Жуана“ и „Чайльдъ Гарольда“, Шиллерова „Вильгельма Телля“ (о которомъ смѣю думать, что это величайшее литературное произведеніе нашего вѣка),—готовлю сборникъ лирическихъ произведеній, заимствованныхъ у Гёте, Шекспира, Байрона, Гейне, подъ заглавіемъ „Повичена Кобза“ (одно изъ писемъ ко мнѣ конца 1894 г.).

Но, конечно, невзгоды все же не могли не отражаться до извѣстной степени, и даже замѣтно, на его характеръ и настро-

вторилась, однако, прежняя исторія: цензора сожалѣли о томъ, что не могутъ пропустить, но такое сожалѣніе, конечно, не могло удовлетворить автора. „Что касается собственно меня“—продолжаетъ Кулишъ,—„то я долженъ всячески искать новыхъ путей къ обнародованію выработаннаго мною воззрѣнія на Малорусчину, долженъ ради чести родного мнѣ старорусскаго элемента, испорченнаго Татарами, Литвою, Польшей и уродуемаго нынѣ людьми, которые „не вѣдаютъ, что творятъ“, думая тѣмъ службу приносить Богу“. Такъ же трудно было напечатать „Дзвонъ“ и въ Львовѣ, такъ что онъ увидѣлъ свѣтъ уже въ Жевевѣ, о чемъ Кулишъ очень сожалѣлъ. Когда, по предложенію Вольфа, онъ взялъ на себя издать по-русски его книжку „Родные отголоски“, по изданіе не состоялось за смертію предпринимателя, и Кулишъ задумалъ уже собственное вышеупомянутое изданіе подъ заглавіемъ „Позичена Кобза“,—то онъ съ грустью писалъ намъ: „Въ объясненіе сихъ стихотвореній моихъ, я долженъ съ горечью сообщить вамъ, что жалуясь въ нихъ на гоненія не только великоруссовъ, но и полякоруссовъ, alias ¹⁾—галичанъ, которые, по политическому фанатизму относительно меня, годились бы въ сотрудники развѣ Каткову съ его преемниками“. Нѣкоторое время Кулишъ предлагалъ мнѣ издать отъ себя его поэму „Кулишъ у пекли“ и продолжать изданіе начатаго печатаніемъ во Львовѣ перваго тома украино-русскаго перевода „Шекспировыхъ Творивъ“, также недозволеннаго нашей цензурой. „Нельзя ли вамъ поискать дороги къ дозволенію“? спрашивалъ меня Кулишъ, совершенно наивно, не представляя себѣ размѣровъ недовѣрія, съ какимъ относилась цензура ко всякому труду, связанному съ его именемъ“. Всѣ великорусскіе переводы „величайшаго изъ сыновъ человѣческихъ“, какъ называлъ Шекспира Бокль, забывая о божественномъ Сынѣ Человѣческомъ Іисусѣ, не выдерживаютъ сравненія съ моимъ“—писалъ Кулишъ,—„не

жетъ быть, онъ потому ихъ ставитъ такъ высоко, что „мы особенно любимъ послѣднія произведенія, какъ и послѣднихъ дѣтей“.

¹⁾ Т. е. иначе.

потому, что онъ мой, а потому, что нашъ малороссійскій языкъ имѣетъ больше грамматическихъ формъ и способенъ къ ковкѣ въ высшей степени. Переводъ Шекспира доведенъ мною до половины. Остальная половина могла бы быть переведена во время печатанія первой. Послѣдняя изъ переведенныхъ мною драмъ его, „Гамлетъ“ окончена въ 35 дней, и я пріостановилъ эту мою работу единственно потому, что въ Ганиной пустынѣ не могъ пользоваться изданіемъ Британскаго и Германскаго Шекспировыхъ Обществъ“.

Между тѣмъ цензура запретила, какъ было сказано выше, также и большую повѣсть Кулиша „Владимірія“ или „Искра Любви“, за которую авторомъ уже былъ полученъ авансомъ гонораръ изъ редакціи „Нови“,—обстоятельство, поставившее въ пемалое затрудненіе Кулиша, какъ вамъ извѣстно не пользовавшагося въ послѣдніе годы матеріальнымъ достаткомъ. Повѣсть была потомъ предложена... въ „Гражданинъ“ кн. Мещерскаго, гдѣ была безцеремонно заброшена и затеряна, какъ о томъ уже рассказано въ статьѣ кн. Шаховскаго о Кулишѣ въ „Русскомъ Обозрѣніи“, ¹⁾ о чемъ еще будетъ упомянуто ниже. Нѣкоторыя же другія рукописи Кулиша поступили около этого времени въ редакцію «Русскаго Обозрѣнія», и полученный за нихъ авансъ значительно поправилъ, конечно на самое короткое время, отчаянныя денежныя обстоятельства Кулиша. „Наши денежныя обстоятельства таковы“—писалъ онъ,—„что посѣлъ продолжительнаго алканія умственной пищи, я выписываю теперь газеты и журналы на четырехъ языкахъ. Недостаетъ только итальянской да испанской новѣйшей прессы. По-шведски я началъ было учиться ради письменныхъ фоліантовъ Карла XII, открытыхъ въ Столгольмѣ, но надѣялся на Костомарова, которому слѣдовало бы историческое сокровище явить русскому міру“.

¹⁾ См. «Русское Обозрѣніе», 1891, III, стр. 222—223.